



DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

УДК 811.161.1'22:81'27

Научная статья / Research article

Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны»)

О.Н. Колышева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198
kolysheva-on@rudn.ru

Статья посвящена рассмотрению нарративов «детей войны» как мнемонических текстов, объединенных общей темой и содержащих воспоминания о Великой Отечественной войне. Междисциплинарный подход к анализу таких текстов позволяет описать репрезентацию войны в сознании ее очевидцев, проследить ее переосмысление и меняющийся характер воспоминаний. В статье выделяются и иллюстрируются отличительные черты нарратива как мнемонического текста, а именно ретроспективный характер повествования, структурно-семантическая неоднородность текстов, языковое выражение подлинности событийного ряда, взаимодействие нарратора с интервьюером в ходе наррации, темпоральная отсроченность воспоминаний, отражающаяся в оценочных суждениях, самоанализе произошедших событий, рефлексии, а также когнитивный «симбиоз» прошлого и настоящего, выраженный в смешении глагольных времен. В статье вводится понятие мнемической ситуации, описывается ее структура и виды: ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация отсутствия информации и ситуация восстановления информации. В ходе исследования были обнаружены примеры разворачивания нескольких видов мнемической ситуации в рамках одного предложения или тематического фрагмента.

Ключевые слова: нарратив, мнемонический текст, интердискурсивное взаимодействие, «дети войны», мнемическая ситуация, память, война, устная история, нарратор

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2020

Дата приема в печать: 15.02.2020

Для цитирования:

Колышева О.Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

© Колышева О.Н., 2020



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'22:81'27

The Narrative as a Mnemonic Text (Based on “Children of War” Narratives)

Olga N. Kolysheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
kolysheva-on@rudn.ru

The article is focuses on the consideration of "children of war" narratives as mnemonic texts united by a common theme and containing memories of the Great Patriotic War in Russia (1941—1945). The interdisciplinary approach to the analysis of such texts makes it possible to describe the nature of representation of the war in the minds of its eyewitnesses, to trace its rethinking and changing nature of memories. The research material illustrates the distinctive features of the narrative as a mnemonic text, namely the retrospective nature of the narrative, structural and semantic heterogeneity of the texts, linguistic expression of the authenticity of the event series, the interaction of the narrator with the interviewer in the narration, temporal postponement of memories expressed in evaluative judgments, self-examination of the events, reflexion, as well as cognitive "symbiosis" of the past and present, expressed in the using of past and present tenses of verbs in a sentence. The article introduces the notion of mnemonic situation and describes its structure and types: situations of information presence, situations of information loss, situations of information absence and situations of information recovery. In the course of the research, we found examples of interaction of several types of mnemical situation in a sentence or a thematic fragment.

Key words: narrative, mnemonic text, children of war, mnemonic situation, oral history, narrativization of memory, temporal structure of narrative

Article history:

Received: 01.02.2020

Accepted: 15.02.2020

For citation:

Kolysheva, O.N. (2020). The Narrative as a Mnemonic Text (Based on “Children of War” Narratives). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 398—411. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411

Введение

Человеческая память — материал хрупкий, сложный и не изученный в полной мере. Память является объектом исследования многих наук: нейробиологии, лингвистики, когнитивистики, психолингвистики, психологии, но в действительности ни одна наука не охватывает память полностью. Память разнообразна и гипернаполнена, потому что это единственный инструмент, хранящий воспоминания человека и весь его личный мир, в котором, как в зеркале, отражается — или искажается — внешний мир.

Согласно определению в «Кратком словаре когнитивных терминов», память — «едва ли не основная часть нашего сознания и разума, заключающаяся в возможности извлекать по мере необходимости хранящиеся в ней воспомина-

ния об услышанном и увиденном, прочувствованном и осмысленном, познанным за все время жизни человека» [1. С. 114]. Как справедливо замечает В.В. Красных, «память человека — не склад индивидуальных следов, дублирующих события внешнего мира, а творческий процесс конструирования этих событий» [2. С. 97]. Здесь можно вспомнить слова Е.Г. Водолазкина о главенстве персональной истории над историей всемирной, а также знаменитую русскую пословицу «Правда у каждого своя». Действительно, то, как человек видит мир и что именно он запоминает из увиденного, накладывает отпечаток на всю жизнь человека и на его воспоминания.

Целью данного исследования является апробация уже имеющихся когнитивных и лингво-когнитивных методов исследования устных рассказов. Особое внимание уделяется таким свойствам нарративов «детей войны», которые позволяют назвать созданные тексты *мнемоническими*. Перечислим выделенные и описываемые в статье свойства нарративов «детей войны» как мнемонических текстов:

- 1) ретроспективный характер повествования;
- 2) семантическая и структурная неоднородность нарративов;
- 3) языковое выражение подлинности событийного ряда;
- 4) диалогичность высказывания, включающая в себя взаимодействие с интервьюером;
- 5) темпоральная отсроченность воспоминаний, выраженная в оценочных суждениях, рефлексии, смещении глагольных времен.

Поскольку мнемонические тексты являются лингво-когнитивными единицами, «выстроенными» спонтанно в ходе устного рассказа на основе эпизодов, хранящихся в памяти нарратора, их исследование требует междисциплинарного подхода и использования таких лингво-когнитивных методов, как метод направленной биографии, биографический метод, а также метод сплошной выборки с дальнейшей интерпретацией и классификацией полученных результатов.

Несмотря на то, что в работах отечественных и зарубежных авторов исследованию различных свойств нарративов уделялось довольно большое внимание, обращение к такому специфическому материалу, как нарративы «детей войны», дало нам возможность выявить отличительные черты полученных текстов, позволяющие квалифицировать их как «мнемонические тексты» и предложить свою структуру мнемонической ситуации, а также проиллюстрировать виды мнемонических ситуаций (ситуация хранения информации, ситуация восстановления информации, ситуация отсутствия информации, ситуация утраты информации) примерами из нарративов «детей войны». Актуальность данного исследования заключается в том, что нарративы «детей войны» впервые подвергаются междисциплинарному анализу с учетом их отличительных особенностей как мнемонических текстов.

Объект нашего исследования, нарративы «детей войны», являются примером истории личной, истории невысказанной и длящейся целую жизнь. Рассмотрим объект нашего исследования подробнее.

1. Нарративы «детей войны» как мнемонический текст

В настоящее время мир переполнен информацией о Великой Отечественной войне. Выпущены и продолжают выпускаться сотни исторических книг, документальных и художественных фильмов, литературных романов. Однако за четко представленной и структурированной картиной боевых действий Великой Отечественной войны теряется отдельный человек как личность, в связи с этим возникает интерес к нарративам «детей войны», к «молчаливому большинству». «Дети войны» — это поколение, пережившее Великую Отечественную войну, не воевавшее на фронтах, но ставшее свидетелем войны, а иногда и боевых действий. Как справедливо пишет Т.К. Щеглова, «актуальным является изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени. Их судьба является важнейшей частью истории войны, без нее нельзя считать военную историю полной и завершенной» [3. С. 231].

Нарративы являются текстами, порожденными памятью и содержащими воспоминания о войне. Нарративы — это не просто набор фактов или объем информации, это способ организации памяти, структурирующий опыт восприятия. Брунер писал, что не существует другого способа описания проживаемого времени, кроме представления его в форме нарратива [4], в котором частная, личная информация переплетается с более широким контекстом жизненного опыта. Известный исследователь структуры нарратива У. Лабов определяет нарратив как совокупность специфических лингвистических средств, превращающих сырой прошлый опыт в хронологически упорядоченные и эмоционально и социально оформленные события: «Нарратив — это способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающей временную последовательность событий» [5]. Так, благодаря рассказу происходит трансформация памяти в текст.

Неоднородность такого рода текстов не позволяет создать единую классификацию или уложить их в рамки уже существующих классификаций. Л.М. Ньюбина называет такие тексты *мнемоническими*. Мнемонический текст (от греч. μνημονικόν — искусство запоминания) представляет собой речевое произведение, построенное автором на ментальной реконструкции своего прошлого [6]. Мы считаем, что нарративы «детей войны» могут служить примером мнемонического текста.

Как справедливо замечает Л.М. Ньюбина, «кроме эпистемического мира автобиография содержит и индивидуальный семантический мир, ведь “бродить по музеям своей памяти” означает не только извлекать воспоминания, но и “облачать их в словесные одежды”» [6]. Так, история оязыковляется под влиянием внешних факторов и трансформируется в «неравномерную концептуализацию» мира [7. С. 224]. Вербализации подвергаются только те события, которые оказали на нарратора максимальное влияние. Некоторые из таких событий (начало войны, трудности быта, боевые действия, вести об окончании войны, работа) могут повторяться в большинстве нарративов, а некоторые — встречаться единожды (яркие воспоминания, потери, эвакуация). Таким образом, семантическая неоднородность является характерным признаком нарративов о войне. Также нарративы «детей войны» могут существовать первоначально в устной

форме (в виде интервью или монологического высказывания), а могут существовать в виде текстов, то есть в письменной форме. В данном конкретном случае форма влияет на содержание нарратива. К примеру, в нарративах, представленных в виде интервью, значительная роль отводится интервьюеру. Именно интервьюер может направлять разговор в те моменты, когда нарратор не знает, о чем рассказать, или сбивается с темы. Таким образом, не только семантическая наполненность анализируемых нарративов, но и их структура неоднородны.

Нарратор представляет с помощью рассказа свой «дом бытия» (термин М. Хайдеггера), свое личное понимание мира. Он вспоминает реальные события, но в условиях темпоральной отсроченности от этих событий. Этот фактор разрыва во времени оказывается нам интересен потому, что он позволяет нарратору посмотреть на себя со стороны. Автор нарратива стремится к максимально точному выражению личного пережитого опыта, включающему самоанализ произошедших событий, а также их оценку:

Конечно, какая-то мамина мудрость, и какие-то мамыны знания, они обеспечили нам неголодное, вот неголодное, существование и нехолодное существование, хотя мы, как и многие другие, как и многие другие, от чего-то страдали.

Так, я помню... Ты вот говоришь, полтора года... Я вот помню, как мой крестный уходил на фронт и вот у бабушки по папиной линии папин брат был мой крестный, и вот он меня подбрасывал и остался в этом воспоминании.

Процесс мнемонической коммуникации автора — это сознательный напряженный мыслительный процесс по отбору информации, которая преобразуется в текст творческим усилием вспоминающей личности, совмещающей в себе нарратора и протагониста [6. С. 20]. В тот момент, когда происходит выбор эпизодов пережитого прошлого (а автор действительно выбирает эпизоды для рассказа, сознательно разворачивая одни и умалчивая о других), происходит переосмысление и оценка описываемых событий с точки зрения временной дистанции от момента рассказа:

И.: Как Вы считаете, семья была с достатком?

Н.: Семья была нормальная. Ну, семья была такая, нормальная, можно сказать, нормальная [оценка]. Мы жили на Павелецкой набережной, в двухэтажном доме, на втором этаже. Квартира была общая, но у нас было две комнаты. По тем временам это очень-очень неплохо, вот [оценка]. (здесь и далее И.: — интервьюер, Н.: — нарратор).

Коля лазил за этими блинами, ну мы ели, все, ну это нормально, кто нам запрещал, что ли [оценка]? Там лежал градусник, тогда редко у кого были градусники [оценка] температуру мерить, вот. И почему он без этой (коробки, крышки) лежал, просто наверное, что ль [оценка].

Подлинность событийного ряда в нарративах выражается с помощью соотнесенности воспоминания с реальными событиями, имевшими место в прошлом, с топонимами конкретных мест, с упоминанием реальных исторических личностей:

И четвертый—пятый класс я училась в этой Актанышской школе. Вместе со мной учились местные, немного их было местных ребят, больше было

эвакуированных. Эвакуированные были, вот я помню такой был **Ким, он был из Петрозаводска постарше меня на год, Дуся из Киева, Сара Ерменсон из Великих Лук, из разных—разных городов Белоруссии, с Украины, причем многие из них весной оказались разутыми—раздетыми, потому что многие бежали в чем были.**

Признаками достоверности событий из прошлого выступают также люди, являющиеся участниками тех событий, о которых рассказывает автор в нарративе:

*Анна Яковлевна никогда замуж не выходила, жила при своей младшей сестре, которую она вынянчила, подняла на ноги, занималась ее детьми и у этой младшей сестры был муж, на фронт его не брали, и он был дирижер, очень известный в свое время, **Одиссей Димитриади**, греческого происхождения. И вот Анна Яковлевна жила при них, но очень любила бывать у нас, приходила, пили чай с чем бог послал.*

В нарративах присутствует восстановление в памяти высказываний, которые действительно были произнесены в тот момент в прошлом:

*Папа недоумевал, смеивался, иногда даже с издевкой: «**Ты что, на Северный полюс собралась? Ты что? Господи, да в сентябре—октябре уже домой вернетесь!**»*

*И как-то две женщины остановили меня, разговорились и «**Кто у тебя здесь работает?**», и «**А мама? А семья? А папа? А братья и сестры? И что же вы к нам не приходите, приходите!**»*

*Остались они один на один, папа говорит, он пистолет на него приставил: «**Ну что, здесь прикончить или подождать?**» И он всё.*

*После еды я убежал с мальчишками на речку. Мы носились в кустах, кричали: «**Война началась! Ура! Мы всех победим!**». Мы абсолютно не понимали, что это все означает.*

Для речи персонажей мнемонического текста характерны языковые средства, передающие динамику событий, эмоциональность, непредсказуемость, краткость:

*Проснулись утром, а вскоре по радио объявили, что началась война. Стало как-то тревожно, грустно. **Все куда-то бежали, суеились, разговаривали...** Вокруг говорили — победим, у нас Сталин, мы победим!*

*Мы **разговаривали громко, разыгрались, раскричались, заспорили, открылась одна дверь, вышел очень пожилой, очень сердитый сосед и прикрикнул на нас: «А ну по домам!»***

*И самолет прилетел немецкий, а они окопы копали, думали, ну уж подойдет, что уж, тут Рязское рядом. **И самолет летит, а бабы все бросили лопаты, кричат «Ложитесь!»**, они бегом, ну, откуда знали? А он покрутился, покрутился, скажет, кого тут бить? И улетел. И тут началось, бомбить эту станцию. Он 50 км от нас был.*

В нарративе мы можем увидеть не только извлечение из памяти информации о событиях прошлого, но и оценивание этой информации с позиции настоящего времени, когда создается нарратив. Так, отметим еще одно отличительное свойство нарратива как мнемонического текста — темпоральную отсоченность воспоминаний. По мнению М. Фриша, чем дальше по времени

устные свидетельства находятся от самих событий, тем больше хранят меняющееся соотношение самих воспоминаний и обобщений, рефлексии, суждений об историческом прошлом и конкретных данных, связанных с личностью [7]:

Я думаю, что серьезность понимали все, потому что все-таки о том, что Германия завоевала всю Европу, об этом знали все, поэтому и, ну, у меня ощущение, что серьезность люди в общем понимали.

Конечно, какая-то мамина мудрость, и какие-то мамыны знания, они обеспечили нам неголодное, вот неголодное, существование и нехолодное существование, хотя мы, как и многие другие, как и многие другие, от чего-то страдали.

Согласно В. Шмиду, нарраториальная временная точка зрения предоставляет нарратору возможность свободного обращения со временем [8. С. 77], в рамках которого происходит когнитивное взаимодействие прошлого и настоящего. Такое свободное обращение находит выражение в еще одной характеристике мнемонического текста, а именно в смешении глагольных времен в рамках одного предложения или тематического фрагмента:

Теплоход отдал последний гудок, ну все «До скорой встречи!», «До свидания!», объятия—поцелуи, машут руками, теплоход отплывает...

Мы разговаривали громко, разыгрались, раскричались, заспорили, открылась одна дверь, вышел очень пожилой, очень сердитый сосед и прикрикнул на нас: «А ну по домам!» [...] Я открываю дверь, вижу, сидит мама, на коленях у нее мой брат, пятилетний, Юра, мама слушает радио и плачет. Я никогда не видела маму плачущей. Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!».

В нашей деревне она, говорит, вот мы, говорит, наши наступили, говорит, вдруг наших выбивают, немцы подходят, мы бегом в лес убежали от немцев. Потом сидим, а коровы режут, мы потихоньку-потихоньку... Но у нас, говорит, не издевались над детьми, не издевались.

В данных отрывках мы видим смешение глагольных времен в рамках одного предложения. Так, в данных примерах описываемые события попеременно выражаются с помощью глаголов прошедшего и настоящего времени, хотя повествование строится вокруг уже свершившихся событий. Такое смешение глагольных времен может свидетельствовать о глубоком погружении нарратора в воспоминание и описании событий прошлого с позиции присутствия в том моменте.

Оценка описываемых событий может выражаться также в употреблении лексем мнения, предположения, уверенности, сомнения:

Правда, знаете, сейчас может быть, это не всем может быть известно и понятно, но и сейчас может быть в глубинке есть такие школы, где есть совместные классы.

Я не помню уже, сколько мы ждали, но мама сказала: «Сиди с детьми, сиди!» Какую-то бутылку воды нам оставила, может быть какую-то баранку или кусок хлеба и сказала: «Сиди и никуда!». И вот мы сидели, на крыльчке какого-то я не знаю дома, на какой-то террасе, где-то мы сидели.

Пришла осень, мы собрали урожай, но на полях остались так называемые колоски. Вот тут уже школа, организованно, начиная уже с 5-го класса, с

одиннадцати-двенадцатилетних, маленьких не брали, а вот 8-й класс, 9-й, это совершенно точно.

И мало кто, да, думал о том, что расстанется навсегда, или надолго, или вообще навсегда, как-то не верилось. Настроение было у всех, ну такое, знаете, ну конечно тяжело, ну конечно эвакуация, но не думали, абсолютно! Именно потому, что все были в легкой одежде, с легкими чемоданчиками, одним или два от силы.

Все эти характеристики «обеспечивают постоянное ментальное присутствие вспоминающего субъекта в создаваемом тексте» [9] в момент создания нарратива.

Как личность коммуникативная автор нарратива находится в постоянном диалоге со слушателем, которым может выступать как группа лиц (аудитория, публичная лекция), так и один человек (интервьюер, член семьи, друг). Автор может критически оценивать воспринимаемую информацию:

Н.: Значит, была какая ситуация: или мы живем у бабушки и дедушки и я каждый день 7 километров по семь километров хожу в школу...

И.: Пешком?

Н.: Ну естественно, естественно! Ну о чем вы говорите! Конечно пешком, война! Никакого транспорта! Я за два года жизни в тех местах ни разу не видела машины, только лошади, только так называемый гужевой транспорт.

Взаимодействие с интервьюером позволяет уточнить детали повествования, раскрывает новую информацию для слушателя:

И.: А женщины приехали с фронта?

Н.: Привезли их, привезли, дорогая моя! Потому что сами они приехать не могли [очень эмоционально, с восклицанием], потому что какие они были... кто без руки, кто без ноги, кто без глаза... Очень тяжело раненные были, очень тяжело раненные женщины были!

Таким образом, особенности ментально-когнитивной деятельности нарратора по извлечению воспоминаний из памяти позволяют говорить о наличии особого типа дискурса, обладающего своей спецификой, выражаемой в ряде отличительных признаков: ретроспективном характере высказывания, семантической и структурной неоднородности, взаимодействии с интервьюером, подлинности событийного ряда, диалогичности высказывания.

2. Структура и типология мнемической ситуации

Поскольку нарративы представляют собой отсроченные по времени воспоминания о войне, то важным представляется демонстрация особенностей языкового выражения мнемических процессов в условиях отсроченности воспоминаний от описываемых событий на временной шкале. Наши представления о памяти базируются на ее «продуктах», в первую очередь, вербальных свидетельствах, фиксирующих результаты мнемических операций. Под мнемическими операциями мы понимаем четыре центральных когнитивных процесса по работе с информацией: хранение, восстановление, утрата и отсутствие информации в памяти. Эти когнитивные процессы, которые ряд ученых называют

мнемическими ситуациями [10; 11], позволяют продемонстрировать процесс оязыковления воспоминаний о войне. Участниками мнемической ситуации выступают нарратор и слушатель (или группа слушателей). В анализируемых нами нарративах в роли нарратора выступает «дитя войны», а в роли слушателя — интервьюер.

Неоднозначно мнение ученых о самой структуре мнемической ситуации. Р.Ф. Исхакова выделяет следующие ее составляющие:

1. субъект (человек, который восстанавливает в памяти определенные события);
2. мнемический процесс (информация, подвергающаяся когнитивным операциям);
3. информационный каузатор (импульс, который запускает мнемический процесс) [11].

И.В. Тивьяева предлагает также добавить в классификацию высказывание как «часть мнемической ситуации на том основании, что оно представляет собой конечный продукт работы механизма индивидуальной памяти, выраженный в вербальной форме» [12]. Действительно, результат работы мнемических процессов доступен нам, лингвистам, в единственной форме — в высказывании, в оязыковленном воспоминании.

В рамках анализируемого материала мы предлагаем расширить данную классификацию, введя интервьюера как неотъемлемую часть мнемической ситуации в нарративах «детей войны». Сама структура нарратива подразумевает постоянное присутствие интервьюера в моменте рассказа. Интервьюер является своего рода «раздражителем» и непосредственным участником процесса наррации. Именно реакция интервьюера на рассказ нарратора является во многих случаях определяющей для дальнейшего высказывания и позволяет нарратору вспомнить забытые детали, выразить эмоции, высказать оценку событий, перейти на более глубокий пласт воспоминаний, поднять новые темы в процессе наррации. С помощью вопросов интервьюер также направляет нарратора. «Дети войны» — это пожилые люди, чья речь и способ мышления зачастую ограничены возрастными особенностями. Начав с одной темы, нарратор может перейти на другую, не связанную с темой войны, и «задержаться» на ней.

Сам нарратор (*субъект* по Р.Ф. Исхаковой), человек, который восстанавливает в памяти определенные события, представляет собой сложную структуру, так как в воспоминаниях он обращается к себе прежнему, а именно к участнику описываемых событий, одновременно с этим находясь в настоящем моменте и, что особенно важно, оценивая события прошлого с позиции настоящего.

В соответствии со структурой мнемической ситуации Р.Ф. Исхакова и Е.Г. Хомякова выделяют четыре вида мнемических ситуаций:

1. ситуация хранения информации;
2. ситуация утраты информации;
3. ситуация отсутствия информации;
4. ситуация восстановления информации.

Исследователи указывают, что между названными типами мнемических ситуаций существует определенная взаимосвязь, помимо этого их связывают

темпоральные отношения предшествования и следования описываемых событий [13. С. 86]. Далее проиллюстрируем виды мнемических ситуаций примерами из записанных нами нарративов «детей войны».

2.1. Ситуация хранения информации

Ситуация хранения информации является наиболее прозрачной и активно выражается лексическими единицами с коннотацией «помнить» в значении:

Наступил день, и это был август, начало августа, 11 августа, это я помню, когда за нами приехала машина, и нас отвезли в Северный речной порт, в Химки. Там у причала стоял белый теплоход, двухъярусный, ой, двухпалубный и назывался он «Лев Толстой», до сих пор помню.

Конечно, уже работать в такой лаборатории, точнее обсерватории, конечно она вряд ли после войны могла бы, хотя не знаю, может быть ей после войны такой протез сделали, потому что все-таки в обсерватории работа с приборами, инструментами, требовавшая не только знаний, головы, глаз, но и рук, рук. Вот я это помню.

Также факт наличия в памяти информации подтверждается использованием оценочных наречий:

Я хорошо помню первый день войны. Уже было лето, я закончила третий класс, перешла в четвертый. [...] А в то воскресенье было какое-то очень хмурое, серое утро, и во дворе было неприятно, и мы, я и две соседские девочки, играли в магазин на кухне.

Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!» Вот это я помню очень хорошо.

Отлично помню, когда началась война.

Первые три дня войны я до сих пор помню очень отчетливо.

Очень четко помню, как 22-го сидели все вместе на террасе вечером, думали, что же нам делать, и слышали, как стреляет артбатарея на 8-й станции Фонтана...

Иногда ситуация хранения информации выражается не только оценочными наречиями, но и глаголами с семантикой «обладать знаниями»:

И.: А вы помните обстановку на начало войны? Может быть первый день помните?

Н.: Войны?

И.: Да, как объявили.

Н.: Очень хорошо знаю я. Очень хорошо.

2.2. Ситуация утраты информации

Ситуация утраты информации также активно выражена лексически. В роли утраченной информации могут выступать события, имена людей, названия географических мест, подробности событий.

Как мы добирались по Каме, а потом по реке Белой, вот до того места, где нас встречали дедушка с бабушкой, вот до того места, я уже в деталях не помню.

И мама сказала: «Поедем, мы, может быть, в зоопарк с тобой ходим». **Вот почему-то я именно с ней.**

И.: Как вы узнали, что война началась? И когда?

Н.: Так чтобы точно, **я не помню**. Но я вот так, наверное, осознала, когда отца уже не было, он где-то воевал.

Что интересно, в одном тематическом фрагменте или ответе на конкретный вопрос интервьюера могут одновременно разворачиваться несколько видов мнемических ситуаций. В следующих примерах мы видим разворачивание ситуации хранения информации и ситуации ее утраты:

Я никогда не видела маму плачущей. Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!» **Вот это я помню очень хорошо**. Папы не было дома, да. Были какие-то непредвиденные, да, дела в министерстве, наркомате, вот. **И в конце этого дня я уже не помню**.

Одну я особенно запомнила. Почему-то мама ее знала и мама ее отвозила, когда ее выписали, мама отвозила ее к родственникам, **не помню куда**. Звали ее Мира, было ей лет 29, **может быть**.

2.3. Ситуация отсутствия информации

Ситуацию отсутствия информации необходимо отличать от ситуации утраты информации. В случае с последней — информация была изначально, но со временем стерлась из памяти либо полностью («**И в конце этого дня я уже не помню**»), либо фрагментарно («**я уже в деталях не помню**»). А ситуация отсутствия информации предполагает отсутствие воспоминаний с самого начала:

Это было воскресенье, вот я не помню, где были остальные дети, папа.

Я не помню ни одного рассказа о войне. Они никогда не говорили ни о войне, ни о боях, ни об обстрелах, ни о бомбежках, ни об убитых, раненых, никогда! **Вот никаких воспоминаний такого плана не было**.

Фраза «**Я не помню ни одного рассказа о войне**» предполагает две трактовки сказанного: утрату воспоминаний или их отсутствие. Однако дальнейшие слова нарратора подтверждают отсутствие информации с самого начала: «они никогда не говорили» и «**вот никаких воспоминаний такого плана не было**».

В следующем примере мы видим две мнемические ситуации: ситуацию утраты воспоминания («**как-то у меня уже стерлось**») и ситуацию отсутствия информации в памяти с самого начала («**что-то не помню**»):

И.: Говорили в семье, что война идет? Где отец, не говорили?

Н.: **Что-то не помню**. Знаю, что, когда он пришел, а до этого как-то у меня уже стерлось. Может когда-то я и знала, а сейчас со временем уже стерлось.

2.4. Ситуация восстановления информации

Также в рамках нарратива происходит мнемическая ситуация восстановления информации нарратором из памяти. В примерах ниже восстановление информации выражается лексемами предположения (*по-моему, мне кажется, видимо*):

Вот у меня в памяти, что знали скот в деревню с Смоленщины, откуда-то от немцев коров... По-моему, только коров.

А я еще мы работали, потому что надо было зарабатывать рабочую карточку. Карточки, по-моему, с 12 лет, дети уже получали иждивенческую карточку. Значит, были карточки рабочие, были карточки детские и иждивенческие. Я сейчас точно не помню, сколько полагалось хлеба на рабочую карточку, но, мне кажется, в два раза больше, чем на иждивенческую, и поэтому (пауза) мы старались работать вот для того, чтобы получить рабочую карточку.

Я там целый день провела, возвращаюсь, а тут кругом разговоры: «Война! Война! Война...». У нас ведь деревня на отшибе стояла, ни радио не было, ни света. Видимо кто-то сообщил эту новость.

Пассажирские поезда, мне кажется, уже не ходили, и я ждал воинские составы.

Также возможно разворачивание в одном предложении мнемических ситуаций хранения и восстановления информации:

Я даже хорошо помню, как объявили по радио, что вот «вероломное нападение», это, по-моему, Молотов был, речь была Молотова.

Заключение

Нарративы «детей войны» представляют собой субъективный опыт отдельного человека, и в каждом случае мы имеем дело с разным взглядом на мир, видим то, как через личную историю нарратор осмысляет окружающую его действительность. Новизна нашего исследования заключается в том, что нарративы «детей войны» впервые рассматриваются как разновидность мнемического текста, а междисциплинарный анализ таких текстов позволяет выделить их отличительные характеристики: ретроспективный характер повествования, семантическую и структурную неоднородность, языковое подтверждение подлинности событийного ряда, диалогичность высказывания, взаимодействие с интервьюером и эмоциональную реакцию на его слова, языковое выражение отсроченной темпоральности воспоминаний, включающее рефлексивность, самоанализ произошедших событий, их оценку, а также лексическое выражение когнитивного «симбиоза» прошлого и настоящего, выраженного в смешении глагольных времен.

Также в рамках работы была рассмотрена структура мнемической ситуации, было предложено включение в нее интервьюера как неотъемлемого участника процесса наррации в тех нарративах, которые существуют в форме интервью. В работе были охарактеризованы и проиллюстрированы четыре вида мнемической ситуации: ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация отсутствия информации, ситуация восстановления информации. Анализ языкового материала показал, что в одном предложении возможно разворачивание нескольких мнемических ситуаций, в частности были прокомментированы примеры симбиоза хранения и утраты информации, утраты и отсутствия, а также хранение и восстановление информации из памяти.

Еще И.А. Бунин замечал, что «ничто не определяет нас так, как род наших воспоминаний». Анализ нарративов «детей войны» интересен нам как ключ к личному, индивидуальному опыту конкретного человека. В теоретико-

методологической перспективе описание языковых способов мнемических ситуаций позволяет рассмотреть возможные способы вербализации темпоральной отсроченности воспоминаний, а также выделить как универсальные языковые способы создания нарративов «детей войны», так и индивидуальные, присущие конкретному нарратору.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
2. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001.
3. Щеглова Т.К. Устная история: Oral history: учебное пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011.
4. Bruner J. Life as Narrative // *Social Research*. 1987. no 54 (1). С. 11—32.
5. Labov W. Some Further Steps in Narrative Analysis // *Special issue of The Journal of Narrative and Life History*, 1997.
6. Нюбина Л.М. Воспоминание и текст: монография. Смоленск, 2000.
7. Frisch M. Commentary: Sharing Authority: Oral History and the Collaborative Process // *The Oral History Review*. Vol. 30. no. 1. P. 111—113.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Кузьмина С.Г. Когнитивно-речевые особенности автора мнемического текста // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. no 1. С. 12—19.
10. Рогачёва Ю.Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003.
11. Исхакова Р.Ф. Некоторые особенности репрезентации процессов памяти в публичных выступлениях // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. no 11(77). Ч. 1. С. 105—108.
12. Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти // *Вопросы психолингвистики*. 2017. no 31. С. 124—139.
13. Исхакова Р.Ф., Хомякова Е.Г. Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Ч. 1. С. 84—89.

References

1. Kubryakova, E.S., Dem'jankov, V.Z., Pankrac, Ju.G. & Luzina, L.G. (1997). *A short dictionary of cognitive terms*. Moscow. (In Russ.).
2. Krasnyh, V.V. (2001). *Basics of Psycholinguistics and Communication Theory*. Course of lectures. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
3. Shheglova, T.K. (2011). *Oral history: a textbook for students of higher education in the 540400.68 (050400) field of study Social and economic education*. Barnaul: AltGPA. (In Russ.).
4. Bruner, J. (1987). Life as Narrative. *Social Research*, 54 (1), 11—32.
5. Labov, W. (1997). Some Further Steps in Narrative Analysis. *Special issue of The Journal of Narrative and Life History*.
6. Njubina, L.M. (2000). *Memory and text: a monograph*. Smolensk. (In Russ.).
7. Frisch, M. (2003). Commentary: Sharing Authority: Oral History and the Collaborative Process. *The Oral History Review*, 30(1), 111—113.
8. Shmid, B. (2003). *Narrathology*. Moscow: Slavic languages. (In Russ.).
9. Kuzmina, S.G. (2016). Cognitive-speech features of the mnemonic text author. *IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology*, 1, 12—19. (In Russ.).

10. Rogachyova, Ju.N. (2003). *Representation of the frame “memory” in modern English (On the material of verb vocabulary)* [dissertation]. Belgorod. (In Russ.).
11. Ishakova, R.F. (2017). Some features of representation of memory processes in public speeches. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. Tambov: Gramota, 11(77—1), 105—108. (In Russ.).
12. Tivjaeva, I.V. (2017). *Cognitive-communicative approach to the study of linguistic representation of memory processes*. *Journal of Psycholinguistics*, 31, 124—139. (In Russ.).
13. Ishakova, R.F. & Homjakova, E.G. (2009). Memory and Perception: Some Aspects of Language Representation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 1(1), 84—89. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Колышева Ольга Николаевна, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, психолингвистика, устная история; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru.

Information about the author:

Olga N. Kolysheva, Assistant of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests*: cognitive linguistics, psycholinguistics, oral history; *e-mail*: kolysheva-on@rudn.ru.